

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БРЯНСКИЙ КРАЙ. ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Статья посвящена военному аспекту жизни Брянского края в годы Первой мировой войны (1914-1918). В частности, освещена судьба частей Императорской Русской Армии, квартировавших до 1914 г. на территории современной Брянской области или сформированных на этой территории в 1914 – 1917 гг., а также судьба некоторых военных из состава этих частей. Далее речь идет о военной промышленности в Брянске и его окрестностях. В заключение говорится о благотворительности военного времени в Брянском крае.

Ключевые слова: Брянск. Брянская область. Первая мировая война. Императорская Русская Армия. Военная промышленность. Благотворительность.

Solovev Yu.P. The first world war and the Bryansk region. The military-historical aspect.

Abstract: The article is devoted to the military aspect of life in the Bryansk region during the First world war (1914-1918). In particular, it covers the fate of parts of the Imperial Russian Army, quartered before 1914 on the territory of present Bryansk region or formed on this territory in 1914 – 1917 and the fate of some of the military from the composition of these parts. Then we are talking about the military industry in the Bryansk and the surrounding area. In conclusion philanthropy in wartime in the Bryansk region.

Keywords: Bryansk. Bryansk oblast. The first world war. The Imperial Russian Army. The military industry Philanthropy.

Ряд положений настоящей статьи ранее излагался автором в популярной форме в следующих публикациях: «Военный Брянск в 1914 – 1917 годах» (Брянская тема. 2014. №9 (83). С.86-99) и «Брянское духовенство и православные миряне в годы Первой мировой войны» (Преображение. (Бежица.) 2014. №1-12 (36). С.34-39).

* * *

К началу Первой мировой войны Брянский гарнизон включал в себя несколько частей, подразделений и учреждений. Это были 2-я бригада 36-й пехотной дивизии, состоявшая из 143-го Дорогобужского и 144-го Каширского пехотных полков, 4-й батальон 1-го пехотного Невского Его Величества Короля Эллинов полка (три первых батальона полка находились в Рославле Смоленской губернии), 5-й тяжелый артиллерийский дивизион, а также два военных предприятия: Брянский местный арсенал и Военно-сухарный завод, на котором располагалось еще и Управление Брянского продовольственного интендантского заведения. Кроме того, к брянским учреждениям военного ведомства относились Управление уездного воинского начальника (функции которого в наши дни исполняет военкомат), Местный военный лазарет, конвойная команда и охранная сотня, расквартированная в Дятькове [80, с.161-168; 81, с.322-324]. В Карачеве (ныне район Брянской области) располагалась 36-я артиллерийская бригада в составе двух дивизионов и шести батарей [80, с.249-250]. Как видно из номера бригады, она должна была действовать совместно с 36-й пехотной дивизией.

С мая по август Дорогобужский и Каширский пехотные полки находились в летних лагерях в районе Кромской железнодорожной платформы под Орлом [105, с.113-114; 32, л.64; 33, л.62]. Здесь полки застало объявление мобилизации и начало войны. В Брянск, судя по всему, полки в полном составе из лагерей не возвращались. 36-я (карачевская) артиллерийская бригада и 5-й (брянский) тяжелый артиллерийский дивизион лето 1914 г. проводили на

Клементьевском стрельбище в Ярославской губернии, у Ростова Великого[69;42] . Для 5-го дивизиона это были первые стрельбы «на выезде» – до того он стрелял в Синезерках под Брянском[32, л.90,101,103] . После объявления мобилизации 5-й дивизион под началом 47-летнего полковника Петра Михайловича Конопчанского походным порядком пошел в Брянск. 36-я артиллерийская бригада под началом назначенного ей в командиры 16 июня 1914 г. генерал-майора Александра Александровича фон Дена[23, с.272; 112, с.78, 559] , ровесника Конопчанского, проследовала с Клементьевского стрельбища через Карачев в район Белостока.

После объявления мобилизации части следовало доукомплектовать по штатам военного времени. Если в мирное время русский пехотный полк имел в своем составе 2 275 чинов, то в военное наращивал численность до 4 334 человек[68, с.21-22; 21, с.502-503] . Доукомплектовывались Дорогобужский и Каширский полки, насколько можно выяснить из архивных документов, за счет запасных Брянского уезда. Например, летом 1914 г. в Дорогобужский полк были призваны 30-летний рядовой Федор Иванович Алешин из Супонева, его ровесник из д. Слободка Елисеевской волости Брянского уезда ефрейтор Тихон Федорович Мишин, 34-летний рядовой Иван Афанасьевич Никулин из с. Полпино; в Каширский полк 18 июля 1914 г. был мобилизован 36-летний рядовой из с. Городища (ныне в черте Брянска) Максим Платонович Стёпин, 20 июля - 31-летний ефрейтор Алексей Петрович Ионин из с. Речица Овстугской волости, 39-летний ефрейтор Тимофей Васильевич Рекунов из пригородной деревни Тимоновки[40, л.229-229об, 236-236об, 207-207об, 490-490об, 778-778об, 180об] и т.д. В 36-ю артиллерийскую бригаду 18 июля 1914 г. мобилизовали и назначили бомбардиром-лаборантом в 4-ю батарею жившего в Брянске по Московской (Калинина) улице Николая Осипова, в ту же бригаду отправились призванный 17 июля 34-летний бомбардир из брянского с. Городища Василий Януарьевич Ивкин и 32-летний рядовой из Добруни Кузьма Федорович Исаев[40, л.628-628об, 182об] ... Также 17 июля был по мобилизации призван и зачислен младшим офицером в 10-ю роту 1-го пехотного Невского полка 35-летний штабс-капитан граф Георгий Павлович Беннигсен, кандидат Карачевского уездного дворянского собрания, гласный Карачевского уездного земства, заступающий место председателя Орловской губернской земской управы и т.п. [104, с.141-142]

Дорогобужский и Каширский полки в составе 36-й пехотной (орловской) дивизии и Невский пехотный полк в составе 1-й пехотной (смоленской) дивизии (в каждой русской дивизии было тогда по четыре полка), а также 1-я и 36-я (карачевская) артиллерийские бригады образовывали XIII корпус, который, в свою очередь, входил во 2-ю армию генерала от кавалерии Александра Васильевича Самсонова[68, с.156] . 1-я и 2-я русские армии предназначались для вторжения в Восточную Пруссию, ближайшую к России область Германской империи (после 1945 г. Восточная Пруссия была разделена между СССР и Польшей, часть Восточной Пруссии теперь – Калининградская область РФ). Вторжение русских войск в Пруссию произошло раньше намеченного срока, поскольку германцы всей мощью своей армии навалились на союзную России Францию – и та просила ударить по Германии со стороны русской границы в надежде, что немцы перебросят часть войск с парижского направления на восток, а с ослабленным агрессором французы справятся.

* * *

К 1 (14) августа части XIII корпуса выгрузились из вагонов в Белостоке, 8 августа пересекли границу Восточной Пруссии. 14 (27) августа 1-я бригада 1-й пехотной дивизии и 36-я пехотная дивизия без боя заняли г. Алленштейн – нынешний польский Ольштын. Комендантом Алленштейна стал командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии генерал-майор Андрей

Андреевич Калюжный, недавно еще бывший начальником Брянского гарнизона (представлен гг. офицерам и классным чинам Брянского гарнизона в качестве командира бригады и начальника гарнизона 21 декабря 1913 г. в Бригадном офицерском собрании) [32, л.143, 144] . Однако уже утром 15 августа XIII корпус тронулся по шоссе на Грислинен, где с немцами сражался XV корпус. Соседний русский VI корпус под напором немцев начал отступление к границе и оставил XIII корпус без поддержки[21, с.570, 573, 574] .

В Алленштейне командир XIII корпуса генерал-лейтенант Николай Алексеевич Ключев оставил для прикрытия батальон 143-го Дорогобужского пехотного полка. Этот батальон должен был проводить корпусные обозы и следовать за основными частями корпуса. Но как только обоз ушел, и батальон стал собираться в походную колонну, как с востока и севера показались немецкие части: «Батальон энергично пробивался, но, отрезанный от колонны, расстреляв все патроны, частью погиб, частью окруженный попал в плен...»[120, с.137] Вскоре немцы настигли обоз штаба XIII корпуса, прикрывая который погибла 13-я рота Невского полка, которой командовал 45-летний капитан Владимир Александрович Тейшер и которая стояла до войны в Брянской Привокзальной слободе[9, с.8; 80, с.166; 111, с.356] .

Немцы бросились вдогонку за XIII корпусом, но им пришлось у Даредена (у деревень Томсдорф и Доротово), в 10 верстах к югу от Алленштена, столкнуться с оставшимися прикрывать отход корпуса двумя батальонами Дорогобужского полка во главе с полковым командиром 53-летним полковником Владимиром Васильевичем Кабановым (Кобановым). «Дорогобужский полк, во главе с доблестным командиром полка, полк. Кабановым, имел славный бой с немецкой бригадой на опушке леса... Целый день сдерживал он атаки немцев, три раза отбрасывая их штыками. Командир полка был убит, и остатки полка присоединились к корпусу лишь в ночи. На месте боя было похоронено 600 (по германским данным – 496[120, с.147] . – Ю.С.) немцев, как значится на надгробном памятнике», - писал командир XIII-го корпуса генерал-лейтенант Н.А.Ключев[14, с.189] . До вечера дорогобужцы, у которых в некоторых ротах до 92% чинов было убито или ранено, удерживали свою позицию. Ночью они отошли к югу, следуя вдоль берега озера Гросс Плауцигер. Уходя с поля боя, дорогобужцы уносили с собой полковое знамя и тело командира полка. На другой день у Куркена они присоединились к своей дивизии[21, с.576] .

Вечером 15 (28) августа командиру XIII корпуса стало известно, что XV-й русский корпус, к которому XIII-й шел на подмогу, отступил со своих позиций. Это делало положение XIII корпуса критическим. Вместе с тем, командование 2-й армии приказывало XIII корпусу отойти к Куркену. В темноте на незнакомой местности, по бездорожью, среди болот и озер русским удалось вывести из боевого и перестроить в походный порядок, повернув при этом на 90 градусов фронт пяти пехотных полков и одиннадцати батарей. Теперь следовало пропустить через узкую – не шире двух саженей – плотину на перешейке между двумя озерами (Кляйн Плауцигер и Ставс) севернее деревни Мёркен части корпуса. Прикрывать отход должен был брянский 144-й пехотный Каширский полк с двумя карачевскими батареями, к которым примкнули части 1-го пехотного Невского полка[21, с.577] . Вместе с командиром каширцев Георгиевским кавалером и ветераном Русско-японской войны 43-летним полковником Борисом Всеволодовичем Каховским (Коховским) принять смертный бой с германцами остался и командир 2-й бригады 36-й пехотной дивизии, недавний начальник Брянского гарнизона генерал-майор А.А.Калюжный.

Наступил день 16 (29) августа. Остаток ночи спокойным порядком озерную плотину перешли 2-й Софийский, 141-й Можайский и 142-й Звенигородский пехотные полки. Но вот между 5 и 6 часами утра из лесу показалась колонна наступавшей от Гогенштейна немецкой 37-й пехотной дивизии. Когда голова немецкой колонны была в 800-600 шагах от русских

позиций, каширцы и их товарищи открыли по неприятелю ураганный огонь, «доведенный до стрельбы почти в упор». «Немцы, - вспоминал участник этого боя, - не выдержали и обратились в бегство, оставив на поле груды убитых и раненых» [124, с.58] . Через час с северо-запада снова из лесу от Грислинена к позициям каширцев вышла еще одна 1-я немецкая резервная дивизия – и была встречена так же, как и 37-я дивизия. После этого до 11 часов все вокруг затихло. За это время из Алленштейна подошла вместе с артиллерией третья немецкая дивизия. Трём вражеским дивизиям противостоял теперь Каширский полк.

Очевидец рассказывает: «За это время немцами был подготовлен артиллерийский огонь по Каширскому полку со всех сторон из легких и тяжелых пушек. Огонь был чрезвычайно сильный, стреляло не менее 100-150 орудий. Издали казалось, что каширцы вместе с землей приподняты в воздух» [124, с.58] . Под огнем половина Невского полка смогла отойти за озерную плотину, половина вместе с Каширским полком была окружена. Боеприпасы у русских кончались, число раненых росло. Прикомандированный к штабу 2-й армии капитан Генерального штаба (позже полковник) Павел Николаевич Богданович вспоминал: «Зловещий перелом начал определяться. [Командир Каширского полка полковник] Каховский приказал играть и бить «атаку», развернул знамя и с ним в руках первый бросился вперед. Каширцы с громовым «ура» пошли в атаку за своим командиром. В короткой но жестокой схватке Каховский был убит в первой линии; фланги Каширцев были охвачены ружейным и пулеметным огнем, в их тыл входили густые цепи. Каширский полк кончил свое существование... В сосновом бору, на высоком бугре, отражающемся в Плаутцигерском озере, расположены могилы, в которых покоятся 613 Каширцев. Никто не знает, что случилось с их знаменем; в руки врага не попало ни полотнище, ни древко» [11, с.216] . Знамя Каширского полка нашли на месте последнего боя полковника Каховского и его солдат польские любители археологии в ноябре 2004 г. [74]

В том же последнем бою каширцев погиб и генерал-майор А.А.Калюжный[14, с.189; 120, с.148] . Но Каширский полк, разбившись на небольшие отряды, еще сопротивлялся врагу. Так, прослуживший в Каширском полку 18 лет сверхсрочный подпрапорщик 7-й роты Сергей Григорьевич Гапанович вел на прорыв отряд в сто человек. Их окружили в лесу. Но Гапанович с четырьмя нижними чинами сумел все же прорваться через немецкую цепь и по незнакомой местности, без еды и какой-либо помощи вообще, добрался до русской границы[31, л.1об-2; 94, л.432; 93, л.156об-157] . Похожая судьба была и у подпрапорщика-каширца Федора Астахова. Оба сверхсрочника были награждены за свое мужество в Восточной Пруссии георгиевскими крестами, позже получили офицерские чины[94, л.431, 422; 27, с.951] . С.Г.Гапанович вернулся к своей семье в Брянск в 1918 г. штабс-капитаном[39, л.319об] . Ночами, ориентируя свой путь по звездам, выбрался к своим в конце августа 1914 г. раненный в левую ногу и правую руку 22-летний фейерверкер (сержант) 36-й (карачевской) артиллерийской бригады Михаил Лукьянович Главатских[42] .

Сам же XIII-й русский корпус как сплоченная боевая единица не смог выйти из немецкого окружения. Когда командир корпуса объявил о сдаче германцам в плен, командир 36-й пехотной дивизии, в которую входили и брянские полки, генерал-лейтенант Александр Богданович Преженцов (Преженцовы владели селом Стипков Княвичской волости Брянского уезда – ныне деревня Стибково Жуковского района Брянской области), находившийся в голове корпусной колонны, отказался выполнить позорный приказ. Силами своей дивизии Преженцов попытался прорвать вражеское кольцо. Но атака русских захлебнулась, генерал Преженцов пропал без вести[21, с.578-580] .

Как сообщается в докладе правительственной комиссии, расследовавшей гибель корпусов армии генерала Самсонова: «Ни один из числа генералов и начальников отдельных час-

тей, бывших в составе 13-го корпуса, в Россию не возвратился. Из числа штаб-офицеров вернулись из пределов Пруссии лишь начальник штаба 36-й пех. дивизии полковник Вихирев, подполковник 143-го пех. Дорогобужского полка Климов и бывшие при обозах два подполковника 2-го пехотного Софийского полка» [21, с.580] . Вышедший из окружения 54-летний подполковник Дорогобужского полка Константин Николаевич Климов жил в Брянске на Успенской (ныне Урицкого) улице в доме Ветрова[80, с.162] .

Упомянутая правительственная комиссия также констатировала: «Вся артиллерия и все обозы 13-го корпуса погибли» [21, с.580] . Следует сказать, что последней частью корпуса, которая, невзирая на приказ о сдаче, вела с немцами бой до последнего снаряда, была 1-я батарея 36-й (карачевской) артиллерийской бригады. Батареей командовал к тому времени старший её офицер капитан Михаил Дмитриевич Брылкин[14, с.190] . В Карачеве он жил на Большой Дворянской улице, в доме Богатищева[80, с.249] .

Остатки 1-го батальона Дорогобужского полка со знаменем и телом полкового командира продвигались к русской границе. В ночи дорогобужцы напоролась на немецкую засаду. «В буйном огне пулеметов 36-й немецкой резервной дивизии, - вспоминал через полвека полковник П.Н.Богданович, - кончила свое существование знаменная рота Дорогобужцев, а тело их командира получило новые, посмертные раны. Древко знамени было найдено немцами на шоссе под трупами; что случилось с полотнищем знамени – по сей день неизвестно». И ниже старый полковник добавляет: «Как будто из глубины веков вошел в этот день чуждого мистики XX столетия забытый доисторический ритуал, когда воины шли в заключительный смертный бой, неся труп своего убитого вождя. Полковник КАБАНОВ был мертв телом, принимавшим еще новые и новые посмертные раны, но неукротимый грозный дух его был жив, как никогда, в его соратниках. После его физической, материальной смерти тела бессмертный дух командира целиком охватил Дорогобужцев» [11, с.213-214] .

После Первой мировой войны древко знамени Дорогобужского полка хранилось в Берлинском Цейхгаузе. В 1935 г. его там видел генерал-майор русской службы А.А. фон Лампе, который сделал запись о происхождении реликвии: «Древко, копьё и скоба найдено 29 (16) августа среди убитых у дер. Доротово» [119, с.245] . Знаток русской военной истории и бригадный генерал французского иностранного легиона С.И.Андоленко писал в 1965 г., что, якобы, «в 1945 г. по занятии Берлина советскими войсками, все хранившиеся в “Цейхгаузе” обломки русских знамен были оттуда изъяты и отправлены в Россию. В Москве они были приняты войсками, отдавшими им воинские почести» [5, с.44] . Советских источников, подтверждающих это сообщение, нам найти не удалось.

История самого знаменного полотнища дорогобужцев крайне запутана. П.Н. Богданович пишет, что перед последним боем «офицеры срезали с древка полотнище знамени» [11, с.213] . Тот же С.И.Андоленко рассказывал: Дорогобужское «знамя было сорвано с древка и спешно зарыто вместе с лентами» [5, с.42] . С.И.Андоленко поспешил ответить некто В.Годелюк, рассказавший, что группа солдат-дорогобужцев, выносившая из немецкого окружения своего раненого в ногу поручика С.Офросимова (поручик Офросимов не значится в довоенных списках Дорогобужского полка, тем не менее, свой рассказ Годелюк основывает именно на воспоминаниях Офросимова), встретила в лесу группу однополчан во главе с унтер-офицером, у которого под одеждой на груди хранилось полковое знамя. Знамя было передано поручику Офросимову, который вышел из окружения и передал полковую святыню «по начальству» [84] . При этом в докладе правительственной комиссии, расследовавшей обстоятельства гибели корпусов армии генерала Самсонова, определенно сказано, что в наличии из знамен частей XIII корпуса имелись лишь знамена 1-го Невского, 4-го Копорского и

141-го Можайского пехотных полков. «О судьбе же знамен остальных частей корпуса точных сведений не имеется», - заключила комиссия[21, с.580-581] .

В августовском номере журнала «Родина» за 2014 г. кандидат исторических наук К.Дроздов сообщил: «В конце 2013 года в сейфе одного из хранилищ Научного архива Института российской истории РАН была найдена подлинная ”Императорская грамота на вновь Высочайше пожалованное знамя 143-му пехотному Дорогобужскому полку в день 100-летнего юбилея полка”...»[47, с.38] Вместе с грамотой 1906 г. и сопутствующими ей документами в названном сейфе хранились и переводы этих бумаг на немецкий язык, выполненные человеком, которого К.Дроздов идентифицировал с Райнхольдом Йоханом фон дер Остен-Сакеном, автором ряда пособий по русскому языку для немцев, служившим в 1903 – 1904 гг. доцентом Военной академии в Берлине, а в 1935 г. – доцентом русского языка в берлинской же Высшей технической школе[47, с.39] . Знаменная грамота Дорогобужского полка поступила в архив Института истории СССР после 1948 г. от жившего в Москве с 1939 г. чехословацкого ученого Зденека Неедлы[47, с.41] . Возможно, К.Дроздов нашел тот самый «рескрипт Государя Императора Николая II» о пожаловании новым знаменем 143-го пехотного Дорогобужского полка, фотокопия которого была опубликована в 1936 или 1937 г. в ежемесячнике Общества призрения немецких инвалидов войны (Deutsche Kriegsoferversorgung). Этот журнал не продавался в рознице, а рассылался только членам названного общества. Видимо, грамота дорогобужцев стала в 1914 г. еще одним немецким трофеем, доставшимся после 1945 г. советским победителям Рейха. Между прочим, при правлении Гитлера о мужестве, героизме и воинском мастерстве своих недавних русских противников немцы писали в названном издании с большим почтением. Подвиг знаменного взвода Дорогобужского полка здесь тоже не был обойден вниманием. В одном из номеров ежемесячника опубликовали «оригинальный рисунок с натуры, одного русского офицера, зарисовавшего остатки 1-го бат[альона] 143-го Дорогобужского п[ехотного] п[олка], несущие свое знамя и убитого командира, в сумерках на берегу Вульпингского озера...»[107, с.17]

* * *

С конца 1914 г. части, погибшие в Восточной Пруссии, начали восстанавливать[118, с.20-21] . 23 декабря 1914 г. был образован 3-й батальон так называемого Можайского технического полка, названный Дорогобужским[95, л.Юб] . С 30 августа 1916 г. 143-м пехотным Дорогобужским полком командовал полковник Артур Августович Зальф[52] . 31 декабря 1915 г. 73-й маршевый запасный батальон был переименован в 144-й пехотный Каширский полк[96, л.Юб] . Существовал подобный же 72-й запасный батальон, приписанный к Дорогобужскому полку, упоминаемый в приказах по Брянскому гарнизону примерно с 12 августа по 3 октября 1914 г. [34, л.33, 101, 103, 103об, 117, 118, 162, 291, 319] Но этот батальон в начале августа 1915 г. был частично выбит, частично пленен немцами[40, с.323-323об] . С 18 января 1916 г. Каширским полком командовал 57-летний полковник Валериан Александрович Стефанский[113, с.119] . С марта 1916 г. начали вновь вести журнал военных действий 36-й артиллерийской бригады[100] .

Воевали в 1916-1917 гг. восстановленные «брянские» части в составе 5-й армии Северного фронта, на территории Прибалтики, под Двинском (современный Даугавпилс) . В Интернете можно найти сведения о братских захоронениях воинов 143-го пехотного Дорогобужского полка в Огрском районе Латвии: в поселке Мадлиена (Madliena), волость Мадлиенас (Madlienas) - на территории кладбища Мадлиенас (Madlienas), а также в поселке Юмправа (Jumprava), волость Юмправас (Jumpravas)[110] .

Что касается качества служивых в новых «брянских» полках, то в Дорогобужском лишь числившийся в полку выдающийся русский летчик штабс-капитан Тимофей Яковлевич Заболоцкий был награжден в 1916 г. Георгиевским оружием, а в марте 1918 г. – орденом Св. Георгия 4 степени[3, с.111-112] . В Брянске Тимофей Яковлевич жил на Петропавловской улице (ныне проспект Ленина), в доме Заленской[79, с.147] . В Каширском полку 12 августа 1917 г. трое офицеров нового состава – поручики Антон Афанасьевич Каминский и Василий Михайлович Хахалев, а также подпоручик Федор Павлович Калмыков – были награждены Георгиевским оружием[16, с.546, 813, 545] . А еще 12 января 1917 г. такой же награды был удостоен штабс-капитан Иван Тимофеевич Савельев из кадрового, брянского состава каширцев[16, с.736] . В Брянске еще поручиком Савельев жил на Авиловской (ныне Горького) улице, в доме Яковлевой[80, с.165] .

* * *

Мобилизационные мероприятия лета 1914 г. предполагали формирование частей второй очереди. Таким образом, 18 июля на основании телеграммы, поступившей из штаба округа, в Брянске начали формироваться 291-й Трубчевский и 292-й Малоархангельский пехотные полки, составившие 2-ю бригаду 73-й пехотной дивизии. Ядром Трубчевского полка стали около сотни офицеров и солдат Дорогобужского полка, ядром Малоархангельского – кадровые чины Каширского полка. Основную же массу полковых чинов составили в новых полках запасные, прибывшие от Брянского уездного воинского начальника полковника Александра Михайловича Тимофеева[97, л. II; 99, л. 1] . Так в рядах Трубчевского полка оказались 36-летний рядовой из д. Тимоновки Иван Матвеевич Зюзин, братья Дарымовы из д. Крыловки Супоневской волости – 39-летний старший унтер-офицер Тимофей Петрович и ефрейтор Василий Петрович, рядовой Федор Максимович Москвичев из д. Козинки Вороновской волости, 27-летний рядовой Константин Алексеевич Башкиров из с. Белоголовль Овстугской волости Брянского уезда[40, л.232-232об, 281-281об, 146, 675-675об, 683-683об] и т.п. В Малоархангельский полк был призван тогда Стефан Савельевич Фидюшин (так!), крестьянин деревни Литовники Вороновской волости Брянского уезда[40, л.132] .

Тогда же в Малоархангельский полк был переведен из Каширского полка 24-летний унтер-офицер Григорий Козьмич Попов Григорий Козьмич, который 25 октября 1914 г. за службу чин подпрапорщика, а вскоре за героизм в боях с германцами удостоился Георгиевских крестов всех четырех степеней и Георгиевской медали 4-й степени[66, с.199] . А в Трубчевский полк призвали 31-летнего старшего унтер-офицера Федора Ильича Шашкина из крестьян Орловской губернии, Карачевского уезда, Дроновской волости, с. Вельяминова. К 1916 г. Федор Ильич также стал полным Георгиевским кавалером[66, с.197, 376] .

Первоначально Трубчевский полк использовал Георгиевское знамя образца 1857 г., некогда доставшееся 3-му батальону 143-го пехотного Дорогобужского полка в наследство от 4-го батальона 43-го пехотного Охотского полка. Малоархангельский полк получил такое же знамя, унаследованное 3-м батальоном 144-го пехотного Каширского полка от 4-го батальона 44-го пехотного Камчатского полка. 29 мая 1915 г. полкам были пожалованы знамена образца 1900 г. с изображением нерукотворного образа Христа Спасителя[55] .

Первым командиром 291-го пехотного Трубчевского полка стал 53-летний полковник Дорогобужского полка Константин Александрович Афанасьев, гласный Брянской городской думы, глава большого (8 человек детей, старшие сыновья – офицеры) семейства[40, л.39-39об, 40; 80, с.162, 143] . Дом полковника Афанасьева стоял на Старо-Соборной (ныне Луначарского) улице, напротив бывшего ресторана «Дубрава»[91] .

Формирование Трубчевского и Малоархангельского полков в Брянске было закончено 30 августа 1914 г. На театр военных действий они выступили полностью укомплектованными четырехбатальонными полками в составе 73-й пехотной дивизии[97, л.П] . Дивизией командовал генерал-лейтенант Георгий (Юрий) Александрович Левицкий, который ровно два года – с 5 августа 1911 г. по 20 августа 1913 г. – был командиром 2-й бригады 36-й пехотной дивизии, а, следовательно, и начальником Брянского гарнизона[51, с.853; 108, с.481; 79, с.146] .

73-я пехотная дивизия вошла в состав III корпуса, и вместе с 56-й дивизией составила гарнизон крепости Ковно (нынешний литовский город Каунас). Однако долго частям указанных дивизий не пришлось сидеть за крепостными стенами. 24 октября Трубчевский полк у местечка Эйдкунен (ныне пос. Чернышевское Нестеровского района Калининградской области РФ) пересек границу Восточной Пруссии, на территории которой находился до февраля 1915 г. Во время боев в Августовских лесах, три (по другим сведениям два) батальона Трубчевского полка вместе с полковым командиром 27 января (9 февраля) 1915 г. были направлены установить связь с оборонявшимся у шоссе на г. Гумбинен 108-м пехотным Саратовским полком XX корпуса[97, л.П, III, IV; 57, с.65, 69; 8, с.14, 16; 122, с.65] . 28 января в вечернем бою при деревне Ионасталь под городом Шталюпененом трубчевцы были окружены и разбиты немцами. Многие, в том числе командир полка полковник Афанасьев, попали в плен (в Брянск полковник вернулся лишь 7 ноября 1918 г.) [40, л.39об] .

При таком печальном исходе дела участвовавший в тех боях русский генерал-лейтенант Иван Алексеевич Хольмсен, тем не менее, отметил: «Большинство частей... сражались доблестно при крайне тяжелых условиях, с превосходными силами противника и при обстановке крайне сложной и неблагоприятной. Все полки, в том числе и Трубчевский, окруженный немцами на Гумбиненской позиции, спасли знамена... Войска были в непрерывном бою в течение 15 суток» [122, с.73] .

Но все же уцелел оставленный в резерве 3-й батальон Трубчевского полка, сохранилось, как нам уже известно, полковое знамя – и часть быстро восстановилась[98, л.1-3] . Трубчевцы сражались до конца Первой мировой на Северо-Западном и Западном фронтах, в составе 10-й, 5-й, 4-й и 3-й русских армий[97, л.П] . 5 офицеров полка: поручик Юрий Федорович Акинфиев, подпоручик Алексей Петрович Воронцов, прапорщики Владимир Яковлевич Пашин, Григорий Митрофанович Нейман и Эдуард Тевлович Пере, а также два полковых командира – полковники Александр Алексеевич Балтийский и Иван Васильевич Бабирев – были награждены орденом Св. Георгия 4 степени[16, с.375, 452, 685, 659, 687, 395, 392] . Четверо офицеров-трубчевцев: подполковник Михаил Алексеевич Расторгуев (141-го пехотного Можайского полка, временно командовал Трубчевским полком в начале 1915 г., за что и награжден), капитаны Борис Александрович Иванов (до 1914 г. – в 143-м пехотном Дорогобужском полку) и Кузьма Игнатьевич Тимофеюк, а также поручик Виктор Александрович Коровиченко, заслужили в боях Георгиевское оружие[16, с.719, 530, 787, 576] . Как минимум пять нижних чинов Трубчевского полка стали полными Георгиевскими кавалерами, то есть заработали все четыре степени Георгиевского креста[66, с.193-197] .

Вероятно, дисциплина в Трубчевском полку была необыкновенно крепка, солдаты не поддавались разлагающей большевистской пропаганде. Почти до середины 1918 г. полк существовал как слаженная боевая единица в составе гарнизонов Орши и Ельца и лишь 20 мая 1918 г. был расформирован большевиками[97, л.ХI] . То, что полк, несмотря ни на что, оставался верен присяге, было, скорее всего, следствием прекрасной выучки и воспитания солдат, организованной командовавшим полком с 20 мая 1916 г. полковником Иваном Васильевичем Бабиревым[113, с.354] , кадровым офицером «брянского» 144-го пехотного Кашир-

ского полка. В Каширском полку капитан Бабирев командовал 13-й ротой, жил в Брянске на ул. Московской (ныне Калинина), д. 25[80, с.165]. Сын капитана Николай учился в Брянской частной мужской гимназии[37, л.5] (современный адрес – Калинина, 84), в которой в 1908 г. учился будущий писатель К.Г.Паустовский.

Иван Васильевич Бабирев в июле 1914 г. оказался в составе сформированного в Брянске 292-го пехотного Малоархангельского полка. За отличие в боях был награжден орденом Св. Георгия 4 ст., Георгиевским оружием, английским орденом «За храбрость», чинами подполковника и полковника. В Высочайшем приказе от 25 марта 1916 г. сказано, что Бабирев Иван Васильевич, полковник 292-го пехотного Малоархангельского полка, награжден орденом Св. Георгия 4 степени «за то, что, временно командуя 292-м пехотным Малоархангельским полком, получив приказание овладеть укрепленной позицией противника у деревни Пурвинка, вечером 23-го октября 1915 г. искусно развернул свой полк и, умело руководя действиями своих батальонов, несмотря на упорное сопротивление противника, преодолел ряд проволочных заграждений противника, ворвался в немецкие окопы и овладел самой дер. Пурвинка, чем и выполнил поставленную ему задачу. Трофеями этой атаки были: 1 действующий пулемет и 128 пленных германцев»[6]. Портрет полковника Бабирева, как одного из самых выдающихся русских офицеров Первой мировой войны, был напечатан 22 октября (4 ноября) 1916 г. на страницах иллюстрированного приложения к газете «Новое время» [72, с.9 (357)].

* * *

На базе карачевской 36-й артиллерийской бригады после приказа о мобилизации в июле 1914 г. была сформирована 73-я артиллерийская бригада, которая должна была взаимодействовать с 73-й пехотной дивизией и в том числе с входившими во 2-ю бригаду этой дивизии сформированными в Брянске Трубчевским и Малоархангельским полками. Жителей Брянского уезда также призывали по мобилизации в 73-ю артбригаду – там оказался, например, 31-летний бомбардир (ефрейтор) из д. Тимоновки Алексей Матвеевич Зюзин[40, л.172-172об].

С 25 июля 1914 г. 73-й артиллерийской бригадой командовал 54-летний полковник Ипатий Иванович Клоченко[109, с.168]. С 14 декабря 1911 г. Ипатий Иванович был командиром 1-го дивизиона 36-й артиллерийской бригады, в Карачеве жил на Тургеневской улице, в доме Писковитиной[112, с.1097; 80, с.249]. Наши места были полковнику Клоченко не чужими – в 1877 г. он первым по успеваемости в своем выпуске окончил Орловскую Бахтина военную гимназию[64, с.81]. Блестящий офицер, Ипатий Иванович к началу Первой мировой войны был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3 и 2 степени, Св. Владимира 4 степени. Чин полковника также был присвоен Клоченко за отличие. В годы мировой войны Ипатий Иванович был на виду, как минимум дважды его портреты печатались в журналах[71, с.10; 67, с.1182]. 25 марта 1916 г. Клоченко был присвоен чин генерал-майора[109, с.168].

Среди других офицеров вновь сформированной 73-й артиллерийской бригады следует отметить командира батареи Михаила Николаевича Ползикова (1875-1938). Михаил Николаевич родился в Орле. Так же, как и И.И.Клоченко, закончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Павловское военное училище. Был выпущен в 1895 г. подпоручиком в 36-ю артиллерийскую бригаду[70а, с.23]. С тех пор 19 лет жизни и военной службы М.Н.Ползикова прошли в Карачеве, где у офицера был собственный дом на Введенской улице[80, с.250], где у Михаила Николаевича и его жены Эмилии Карловны родился 24 февраля 1909 г. сын

Алексей, в дальнейшем – химик, выпускник Лувенского университета и активный участник антикоммунистического Народно-трудового союза[70, с.538] ...

В канун Первой мировой – 13 мая 1914 г. – двум офицерам «карачевской» 36-й артиллерийской бригады были Высочайше пожалованы ордена Св. Станислава 2 степени: капитанам Михаилу Ползикову – и Михаилу Брылкину[22, с.220] , который, напомним, со своей батареей последним из воинов XIII корпуса бил по немцам в Восточной Пруссии, даже оказавшись в окружении. Капитан же Ползиков в годы Первой мировой за боевые отличия был произведен в подполковники и полковники, в тяжелые для Императорской Русской Армии дни ноября 1915 г. награжден Георгиевским оружием[16, с.701] , позже – орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом. В 1917 г. полковник Ползиков был назначен командиром артиллерийского дивизиона, предназначенного к отправке в Сербию.

В годы Гражданской войны генерал-майоры Клоченко и Ползиков стали легендами Белого движения. В августе 1918 г., когда против большевиков восстала Самара, генерал Клоченко возглавил армию восставших и вступил в должность инспектора Народной армии Комуча. В армии адмирала Александра Васильевича Колчака был инспектором артиллерии корпуса, начальником артиллерийского управления Курганского военного, а позже тылового округов Восточного фронта[18, с.113] . Генерал Ползиков в Вооруженных Силах Юга России командовал Дроздовской артиллерийской бригадой[19, с.433; 116, с.73; 121; 87] .

Но вернемся в лето 1914 г. 73-я артиллерийская бригада была сформирована несколько быстрее, чем 73-я пехотная дивизия – и включена в состав войск 1-й армии генерал-адъютанта генерала от кавалерии Павла Карловича фон Ренненкампа. Эта армия вторглась на территорию Восточной Пруссии немного раньше 2-й армии генерала Самсонова. Как раз в составе 1-й армии 73-я артиллерийская бригада участвовала 7 (20) августа 1914 г. в первой победоносной для русских битве мировой войны – Гумбинен-Гольдапском сражении[60, с.408] . Именно победа русских под Гумбиненом заставила немцев перебросить в Восточную Пруссию ряд частей, атаковавших Париж – и французская столица была спасена как минимум от немецкого штурма. До конца Восточно-Прусского похода 73-я артиллерийская бригада находилась в составе XX армейского корпуса. Позже она присоединилась к частям 73-й пехотной дивизии, вместе с которой сражалась, например, в Августовских лесах[57, с.176] .

* * *

После объявления мобилизации 5-й тяжелый артиллерийский дивизион вернулся в свои брянские (так называемые «чуксинские», по домовладельцу Чуксину[79, с.150]) казармы. Эти казармы до мая 2012 г. находились на территории брянского центрального рынка, по ул. Красноармейской (прежде Трубчевской). В мае же 2012-го казармы снесли.

По мобилизационному плану 5-й дивизион следовало развернуть в бригаду трехдивизионного состава и направить вместе со стоявшими в Брянске полками во 2-ю армию генерала Самсонова. Задержка в формировании[69] – скажем, командир 5-го дивизиона полковник Петр Михайлович Конопчанский (1867-1937) лишь с 17 августа 1914 г. значится командиром 5-й тяжелой артиллерийской бригады[109, с.135] , – резко изменила судьбу воинской части.

По мобилизации в 5-ю тяжелую артиллерийскую бригаду в Брянск был направлен прапорщик запаса, известный в свое время искусствовед и писатель, автор знаменитых «Образов Италии» Павел Павлович Муратов (1881-1950). Муратов напечатал в 1929 г. в парижской газете «Возрождение» серию мемуарных очерков, в которых отражен боевой путь брянской тяжелой бригады до конца 1914 г. Прапорщика Муратова, одним из первых прибывшего в Брянск, где у него тогда жили сестра и племянник, назначили старшим офицером 4-й батареи[103, с.18] .

5-й бригаде было суждено участвовать в победоносной для Императорской Русской Армии первой Галицийской битве. Бои против австро-венгерских армейских частей длились тогда с 5 (18) августа по 8 (21) сентября 1914 г. 5-я тяжелая бригада, приписанная к XXV корпусу, проследовала из Брянска в Брест, оттуда – в Холм, далее на Красновосток, Ярослав, Ивангород, Грабов и, наконец, под Ченстохов. Марши перемежались боями. В ноябре 1914 г. 5-я тяжелая артиллерийская бригада оказалась в подчинении III кавказского корпуса. Участвовала в бомбардировках австрийской крепости Перемышль. Крепость пала 22 марта 1915 г. после шестимесячной блокады.

Именно русской артиллерии принадлежала главная слава в первой Галицийской битве. «С первых же дней боевых действий выяснилось, что артиллерия начинала бой, вела его и решала исход. Противник называл русскую артиллерию “волшебной”. Своя пехота боготворила её, именуя “спасительницей”», - писал о тех боях историк Н.Н.Яковлев[124, с.67] . В подтверждение этих слов можно привести фрагменты из послужного списка командира 5-й тяжелой артиллерийской бригады полковника Петра Михайловича Конопчанского (в Брянске до войны он жил на Смоленской ул. - ныне бульвар Гагарина - в доме Григорьевой, №23[80, с.167]). «За отличия в делах против неприятеля» Петру Михайловичу 6 апреля 1915 г. Высочайше пожалованы мечи и бант к имеющемуся ордену Св. Равноапостольного Князя Владимира 4 степени[24, с.483] , 18 мая того же года – мечи к имеющемуся ордену Св. Анны 2 степени[25, с.767] . И, наконец, Высочайшим приказом от 24 мая 1915 г. снова «за отличия в делах против неприятеля» полковник Конопчанский был произведен в генерал-майоры[26, с.817] .

Среди офицеров 5-й тяжелой артиллерийской бригады обращает на себя внимание подполковник Павел Моисеевич Пильский. Сын бывшего офицера 144-го пехотного Каширского полка Моисея (Мося) Николаевича Пильского и Неонилы Михайловны, урожденной графини Девиер (Дивиер), Павел Моисеевич 10 августа 1903 г. закончил Константиновское артиллерийское училище (последним по успеваемости в выпуске) и был распределен во 2-й осадный артиллерийский парк. К 1 января 1909 г. поручик П.М.Пильский служил в 1-м Восточно-Сибирском осадном артиллерийском полке, располагавшемся в селе Антипиха под Читой[56, с.124; 89, с.720; 73, стб.739; 2, с.600] . Перевод в Брянск, в 5-й тяжелый артиллерийский дивизион, для этого офицера, писавшего стихи и занимавшегося журналистикой, был, вероятно, значительным жизненным успехом. В 1913 г. уже штабс-капитан П.М.Пильский жил в Брянске на Старо-Соборной (ныне Луначарского) улице, д.44[80, с.167] , откуда и ушел на войну. Подполковник Павел Пильский умер от ран 22 декабря 1915 г. и посмертно был награжден Георгиевским оружием[16, с.693] . Старший брат героя Петр, сам прошедший фронты Первой мировой, в эмиграции стал одним из первых публицистов и литературных критиков Русского Зарубежья[2, 602] .

5 июля 1916 г. 5-я тяжелая артиллерийская бригада была расформирована. Ее три дивизиона переименованы соответственно в 32, 33 и 34 отдельные полевые тяжелые артиллерийские дивизионы[1] . К январю 1917 г. прежний командир 5-й бригады генерал-майор П.М.Конопчанский командовал сформированной в Карачеве 73-й артиллерийской бригадой. 27 января 1917 г. Петр Михайлович награжден орденом Св. Георгия 4-й степени[16, с.572] . С 1 февраля по 24 июня 1917 г. генерал Конопчанский был инспектором артиллерии XLVIII армейского корпуса, потом переведен на ту же должность в восстановленный после Восточно-Прусской операции XIII корпус[51, с.826, 808] .

Документы Государственного архива Брянской области сообщают, что к июлю 1919 г. заслуженный генерал поселился в Брянске и трудился на местной электростанции старшим бухгалтером. П.М.Конопчанского несколько раз пытались призвать в красную армию – но,

видимо, безуспешно [39, л.709, 654, 789]. К началу 1929 г. Петр Михайлович Конопчанский служил бухгалтером уже брянского губздравотдела, а местная коммунистическая газета «Брянский рабочий» требовала его выгнать со службы за то, что генерал получал одновременно пенсию и жалование – вместе «целых» 167 руб. 60 коп. [114]. Тогда же дочь Конопчанского уволили с брянской биржи труда, причем помянутая газета записала женщину в ряды «бывших людей» и «просто проходимцев» [49].

Газетные доносы закончились тем, что генерала Конопчанского подвергли административной ссылке в Коми автономную область, где Петр Михайлович еще и в 1933 г. по-прежнему работал бухгалтером в поселке Новый Бор Усть-Цилемского района. Здесь П.М.Конопчанского 17 мая 1933 г. на три месяца арестовало ОГПУ по антисоветской 58-й статье (обвинялся КОО ОГПУ по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Постановлением КОО ОГПУ 10.08.1933 дело прекращено) [63]. Чтобы понять, в чем обвиняла коммунистическая тайная полиция старого русского генерала, раскроем содержание упомянутых статей из советского уголовного кодекса. Итак, статья 58-10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений..., а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания... Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении...» Статья 58-11: «Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой...» [92, с.496]

К 1937 г. Конопчанский вернулся в Брянск, привычно уже стал бухгалтером в 12-й школе [41, л.95]. Но начался «большой террор». 29 декабря 1937 г. «тройка» при УНКВД Орловской области (в состав этой области Брянск вошел накануне), своеобразное коммунистическое судилище, приговорила 70-летнего Георгиевского кавалера Петра Михайловича Конопчанского к расстрелу. Вместе с ним осудили на смерть еще нескольких героев Первой мировой: 69-летнего капитана Дорогобужского полка Тихона Ивановича Мерцалова, 62-летнего подполковника Каширского полка Алексея Ивановича Голохвастова, 48-летнего подпоручика-каширца Якова Ивановича Троицкого, поручика Невского пехотного полка 56-летнего Петра Михайловича Рыбакова и фельдфебеля-подпрапорщика того же полка 61-летнего Иосифа Ивановича Скребуху, прапорщика 36-й артиллерийской бригады 55-летнего Михаила Федоровича Смирнова (всего 13 человек) [41, л.102]. Ранее в Орле приговорили к смерти капитана-дорогобужца 64-летнего Алексея Абрамовича Гранаткина [41, л.97].

Этих людей брянские чекисты обвиняли всё по тем же параграфам 58-й антисоветской статьи (58-10 и 58-11) и ставили им в вину, «что они, как бывшие офицеры царской и белой армии и являясь выходцами бывшего привилегированного сословия, будучи недовольны Советской властью, на основании общности антисоветских взглядов объединились в контрреволюционную фашистскую офицерскую организацию, которая существовала в г. Брянске с 1927 г. Указанная антисоветская организация ставила своей целью свержение существующего в СССР строя и восстановление капиталистического государства в России, путем создания повстанческих отрядов из бывших офицеров царской и белой армии, кулацкого элемента и других враждебно настроенных к Советской власти лиц. Участники этой организации систематически занимались среди своего окружения антисоветской агитацией, возводили клевету на мероприятия, проводимые партией и Советским правительством, восхваляли фашизм, "предсказывали" неизбежную гибель Советской власти, ставили своей целью путем вредительства и диверсионных актов вывод из строя действующих важных предприятий города

(Брянска. – Ю.С.), а также некоторые из них имели письменную связь с родственниками, проживающими за границей» [41, л.96-97] . Чтобы добиться, по правилам тогдашнего дознания, личного признания обвиняемых в вине или попросту самооговора, брянские чекисты пытали стариков-офицеров. Это выяснил в 1958 г. Брянский областной суд, реабилитировавший казенных ветеранов: «На следствии применялись незаконные методы ведения следствия... О том, что в период 1937 – 1938 гг. к некоторым арестованным применялись незаконные методы ведения следствия видно из обзорной справки по делам бывшего начальника УНКВД Орловской области Симановского (Пинхуса Шоломовича. Расстрелян коллегами 22 февраля 1940 г., не реабилитирован[62, с.688] . – Ю.С.), начальника 4 отдела того же управления Попова и других» [41, л.98] .

Лишь два человека, проходивших по одному с генералом П.М.Конопчанским делу, получили вместо расстрела 10 лет лагерей: 59-летний Гавриил Иванович Александров и 45-летний Евгений Иванович Васильевский[41, л.96] . Евгений Иванович к концу Первой мировой войны в чине поручика командовал ротой 8-го пехотного Эстляндского полка Императорской Русской Армии[39, л.679об] .

* * *

Посмотрим теперь, что происходило в Брянске после ухода из него первоочередных и второочередных частей. Из приказа по войскам Брянского гарнизона за №12 от 24 августа (старого стиля) 1914 г. можно узнать, что на момент издания этого приказа в Брянске в сараях 5-го тяжелого артиллерийского дивизиона и артиллерийского парка размещались пешие дружины государственного ополчения: 99-я – подполковника Соколова, 100-я - подполковника Мартынова, 101-я – подполковника Труш, 102-я - подполковника Игнатовича[34, л.116] , составлявшие 17-ю бригаду государственного ополчения. 100-я дружина ополчения была сформирована в Брянске, остальные – в Орле[54] . Там же, в сараях 5-го тяжелого артиллерийского дивизиона, была размещены 16 и 22-я легкие ополченческие батареи. 9 и 19-я легкие ополченческие батареи расположились «по вольным квартирам», предоставленным брянскими городскими властями[34, л.116-116об, 119] .

Когда весной 1915 г. начали формировать полки и дивизии 3-й очереди, то из 100, 101 и 102 ополченческих дружин был сформирован 444-й пехотный Дмитровский полк – четвертый полк 111-й пехотной дивизии, а 99-я дружина вошла в состав 443-го пехотного Сосненского полка – третьего в той же 111-й дивизии[54] . 111-я вместе с 57-й дивизией, прославившейся при обороне крепости Осовец, составила XLIV армейский корпус. Корпус сначала участвовал в позиционных боях на Западном фронте, а затем был переброшен в Молдавские Карпаты[60, с.408, 413] .

Тогда же, 24 августа 1914 г., казармы 4-го батальона Невского пехотного полка в Брянской привокзальной слободе заняла сформированная в Орле 50-я пешая дружина государственного ополчения[34, л.116] . Весной 1915 г. орловские 50, 51, 52, 53 и 54 дружины вошли в состав 453 и 454 пехотных полков – первых двух полков 114-й пехотной дивизии, так и не успевших получить имена[54] .

Названные полки и дивизия связаны с трагичной историей гарнизона Новогеоргиевской крепости (современный польский город Модлин). Летом 1915 г. под натиском немецких и австро-венгерских войск русские оставляли Варшаву. При этом без внешней военной поддержки оказался и почти сотысячный гарнизон Новогеоргиевской крепости, получивший, тем не менее, приказ обороняться. В составе гарнизона находилась и 114-я дивизия с 453 и 454 полками[60, с.413] .

27 июля немцы осадили Новогеоргиевск. Огромная крепость честно оборонялась 10 дней. Потом 6 августа ее комендант генерал Бобырь перебежал к неприятелю и от немцев уже отдал гарнизону приказ о сдаче в плен. Странно, но гарнизон, в составе которого было 23 генерала и 2100 офицеров, а также 83000 солдат, не возражал – и сдался [51, с.70-71] . Лишь летчики крепостного авиаотряда собрали знамена всех частей гарнизона и перелетели в расположение основных русских войск [60, с.244; 3, с.184-185] .

Среди попавших тогда в плен был и рядовой Новогеоргиевской крепостной артиллерии Николай Иванович Белозоров из Брянской Привокзальной слободы, возвратившийся домой лишь 8 января 1919 г. [40, л.340-340об] Но были и такие, кому нельзя вменить в вину позорную капитуляцию. Так, брянский офицер капитан Михаил Михайлович Петров 3 августа 1915 г. во главе батальона как раз 454-го пехотного полка вел с немцами бой за Новогеоргиевск – и был тяжело ранен в шею и нижнюю челюсть. В плен капитан Петров попал вместе с госпиталем. Год и 8 месяцев скитался офицер по госпиталям и лагерям для военнопленных, пока немцы не выслали его, как инвалида, в нейтральную Данию, откуда капитан Петров вернулся в Брянск 6 сентября 1917 г. [40, л.62-62об]

Вернемся и мы опять в 24 августа 1914 г. Приказом по гарнизону, данным в этот день, все казармы, прежде занимавшиеся 144-м пехотным Каширским полком, были переданы вновь сформированному 187-му пехотному запасному батальону, которым командовал коренной офицер-каширец 68-летний Людвиг Христианович Тайхерт, незадолго перед тем получивший к отставке чин генерал-майора. Кроме того, в Брянске находился какое-то время упоминавшийся выше 72-й запасный батальон, сформированный из кадра Дорогобужского полка [34, л.116, 116об, 117] . 187-й запасный батальон квартировал в Брянске, видимо, до 1915 г. [101] , когда был сменен 23-й запасной пехотной бригадой. С 26 мая 1915 г. по март 1917 г. этой бригадой командовал генерал-майор и флигель-адъютант Государя Императора Петр Николаевич Сивицкий (1855 г.р.) [109, с.99; 108, л.772; 75, с.15] . В 1915 г. в городе находилась также 676-я пешая Орловская дружина ополчения [35, л.56, 58] . До 11 декабря 1917 г. на Брянском заводе в Бежице была расквартирована в качестве гарнизона 2-я рота 183-й пешей Смоленской дружины ополчения [12, с.123] .

К 1916 г. Брянский гарнизон входил в Минский военный округ и находился в оперативном подчинении Западного фронта. По словам брянского городского головы Василия Ивановича Сафонова, «количество воинских частей, расположенных в городе, увеличилось против мирного времени более чем в 7 раз» [45, с.144] . Гарнизон состоял из входивших в состав 23 запасной бригады 11, 83, 257 и 278 пехотных запасных полков [15, с.68] . Как говорилось вначале, к Брянскому гарнизону принадлежали Арсенал и Военно-сухарный завод, а в годы войны к ним присоединились эвакуированные в Брянск Двинские артиллерийские мастерские и Двинский артиллерийский склад, Минский вещевой интендантский склад, 5-й авиапарк (авиарота), авторота и т.п. [45, с.144] Из военно-медицинских учреждений в Брянске находились расширенный местный лазарет, сформированный в 1914 г. 103-й сводный эвакуационный госпиталь, два сводных Двинских запасных госпиталя, лазарет Земгора (Союза земств и городов), множество больших и малых частных лечебниц для раненных – и, наконец, тыловой 41-й эвакуационный пункт, в составе которого уже в 1918 г. начинала свой профессиональный путь выпускница Московских медицинских высших женских курсов, одна из первых пяти советских почетных граждан Брянска, известный врач-долгожитель Людмила Исидоровна Нацкая (1892-1994) [38, л.16] .

Общая численность Брянского гарнизона приближалась в 1917 г. к 50 тысячам человек [88, с.16] . Многочисленность тогдашнего Брянского гарнизона подтверждает такой случай: 26 ноября 1916 г. был издан приказ о формировании 2-й Уральской казачьей батареи и

управления Уральского казачьего артиллерийского дивизиона. Батарее предполагали сформировать в Брянске, но отказались от этих планов, «так как Брянск переполнен войсками и, соответственно, все казармы и конюшни заняты» [58] ... Эта масса вооруженных людей, превышавшая почти на 20 тысяч число коренных жителей Брянска, стала основной движущей силой февральско-мартовского и октябрьского государственных переворотов 1917 г. В июне 1917 г. командованию пришлось переместить наиболее распропагандированный большевиками 11-й запасный полк в Гжатск [15, с.349] .

Вместе с тем, в противовес разлагавшимся регулярным частям, решено было к лету 1917 г. формировать прежде всего «для защиты февральской революции» из добровольцев так называемые «ударные революционные батальоны». По штату от 21 августа 1917 г. такой батальон должен был состоять из 25 офицеров, 1199 солдат, священника и 4-х классовых чинов. 22 июля 1917 г. среди пунктов сбора добровольцев для «ударных батальонов» были названы 101-й Западного фронта этап, переведенный в Брянск из Минска – и 11-й запасный пехотный полк, переведенный из Брянска в Гжатск. В связи с изменением линии фронта пункты сбора добровольцев к 23 сентября 1917 г. переместились. Для Западного фронта – окончательно в Брянск, в переведенные сюда 183-й и 287-й запасные пехотные полки. Именно здесь, в расположении 287-го запасного полка, к 18 сентября 1917 г. проходил под командованием полковника Боглачева переформирование 7-й ударный революционный батальон Западного фронта [61, с.36, 38] .

Вечером 29 октября 1917 г. команда от этого батальона – 150 человек и несколько пулеметов - прибыла под началом поручика Зотова в Москву, где в отряде полковника Лейб-гвардии Волынского полка Леонида Николаевича Трескина, состоявшем из московских студентов и юнкеров Александровского военного училища, принимала участие в боях против большевиков [115, с.186] .

* * *

Заводы Брянского края вносили заметный вклад в дело снабжения Императорской Русской Армии необходимыми ей вещами. По словам калужского историка И.Б.Беловой, Брянский рельсопрокатный железодельный и механический завод акционерного общества Брянского завода в с. Бежице производил в годы Первой мировой «снаряды (бронебойные, фугасные, гранаты, шрапнель), зарядные ящики, паровозы, вагоны, железнодорожные стрелки, подъёмные краны, проволоку, гвозди, огнеупорные материалы. Брянский Арсенал служил ремонтной базой Западного фронта, а также производил предметы артиллерии (лафеты, зарядные ящики, повозки и двуколки, пулемётные станки, различные колёса и запасные части). <...> Бытошевский чугунолитейный завод Мальцовского АО также изготовлял различные снаряды (мортирные, гранаты, мины), печи для землянок и котлы. На Радицком вагоностроительном заводе Мальцовского АО выпускали вагоны для армии, а также проводили работы по отделке литых оболочек снарядов. Стекло на государственную оборону (25 % от всего производства) изготовляли Чернятинская и Ивотская стекольные фабрики Мальцовского АО. Знеберская бутылочная фабрика Мальцовского АО с марта 1916 г. выполняла военный заказ по изготовлению телеграфных изоляторов» [7, с.53] .

Здесь следует, пожалуй, остановиться подробнее на Арсенале, который более 130 лет был нашим главным военным заводом. К 1911 г. на Брянском арсенале, подчиненном Главному артиллерийскому управлению, трудились около 600 мастеровых и рабочих, ежегодно выпускавших продукции на 600 тыс. рублей. Завод включал в себя несколько цехов, которые по старому обычаю назывались еще мастерскими: литейный, кузнечный, слесарный, оружейный, деревообделочный, механический. При заводской канцелярии действовала чертеж-

ная. В литейной мастерской Арсенала отливались бронзовые и латунные детали для лафетов артиллерийских орудий, для повозок и снарядных лотков. Отливали здесь также детали из чугуна. В оружейной мастерской исправляли части артиллерийских орудий, обтачивали и отделяли медные детали, изготавливали изделия малых размеров. В арсенальной кузнице, оборудованной паровыми молотами в две, одну и полтонны, кузнечными горнами и т.п., ковали стальные и железные заготовки для других мастерских, а еще - выпускали готовые кованые изделия (кольца, крюки и т.п.). В слесарной мастерской, оборудованной значительным количеством механических станков и гидравлической клепальной машиной, происходила окончательная отделка деталей, сборка лафетов и повозок. В столярной мастерской делали прежде всего колеса для повозок. В механической мастерской Арсенала находилось около 250 станков, снабженных электромоторами и приводимых в движение двумя паровыми электрогенераторами трехфазного тока, каждый в 300 сил. Для электрического освещения завода использовали две паровые турбины. Пар для динамо-машин, турбин и паровых молотов давали 4 паровых котла, отапливавшихся нефтью или дровами. Вполне официально Брянский арсенал по техническому оборудованию и количеству выпускаемых изделий занимал третье место среди арсеналов Российской Империи[13].

Небольшой офицерский состав Брянского арсенала был приписан, в основном, к Лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригаде, штаб которой находился в Варшаве. Среди арсенальных офицеров находились выдающиеся инженеры и организаторы производства. Так, генерал-майор Анатолий Николаевич Лукашев (1857-1917) в 1900 г., пребывая еще в капитанском чине, был удостоен бронзовой медали всемирной парижской выставки «за производство опытов и за постановку работ по сгибу брусков для колес с гнутыми косяками» [108, с.564; 10, с.74]. Полковник (с 1917 г. генерал-майор) Николай Григорьевич Высочанский, дядя по материнской линии известного писателя К.Г.Паустовского, снискал известность своими трудами по изготовлению сталистого чугуна[30, с.14-15; 29]. Наконец, 29 марта 1914 г. на Арсенал прибыл назначенный сюда еще 31 декабря 1913 г. новый начальник – генерал-майор Семен Николаевич Ванков (1858-1937) [33, л.45; 108, л.705], болгарин по национальности, настолько образцово поставивший дело в Хабаровской артиллерийской мастерской во время Русско-японской войны, что мастерская была переименована в арсенал[123, с.50-63].

С началом Великой войны в 1914 г. Брянский арсенал перешел на круглосуточную работу при одном выходном в месяц. Количество вольнонаемных рабочих увеличилось до 3145 человек. Главной задачей завода стал ремонт артиллерийских орудий – обыкновенный и с «перестроением». Для этих целей на завод было доставлено новое оборудование: 170 новых станков втрое увеличили мощность механической мастерской, на Арсенале были установлены электрическая печь, прессы для снятия кожухов и надульников с орудий и прочее. Загруженный работой, Арсенал непрерывно модернизировался: с 1915 г. здесь возводятся электростанция, новые механическая и литейная мастерские, здание для термической обработки металлов, расширяются старые помещения[123, с.88-89; 10, с.85-86]. В итоге площадь производственных зданий Брянского арсенала выросла за годы Первой мировой войны вдвое. При этом еще и Брянский завод в Бежице отремонтировал в 1915-1917 гг. 6 % всех нуждавшихся в ремонте русских артиллерийских орудий. За тот же срок специализированный, казалось бы, военный Балтийский судостроительный завод починил орудий в 2 раза меньше[7, с.61].

Помимо ремонтных работ, производства артиллерийских лафетов, повозок и т.п., Брянский арсенал в годы Первой мировой со все возрастающим темпом изготавливал различные детали для пулеметов. Так, двуколки (конных повозок) пулеметных и патронных завод в 1914 г. произвел 487, в 1915 – 845, в 1916 – 890 и в 1917 – 770; пулеметных станков системы

Колесникова в 1916 – 340, в 1917 – 510; колес к пулеметным станкам Соколова (станок, без которого для нас теперь не представим пулемет «Максим») Арсенал произвел в 1914 г. 300 штук, в 1915 – 5 610, в 1916 – 17 340, в 1917 – 8 350. Наконец, патронных коробок для пулеметных лент Брянский арсенал в 1914 г. выпустил 10330 штук, в 1915 – 40 550, в 1916 – 92 327, в 1917 – 75 515 [117, с.111] .

Интересно также, что Брянский арсенал, сам не производивший боеприпасов, сыграл, тем не менее, значительную роль в преодолении «снарядного голода». Русская Императорская Армия, как и другие армии, участвовавшие в Первой мировой войне, очень быстро стала испытывать недостаток боеприпасов – и прежде всего снарядов. Довоенные расчеты расхода этих самых боеприпасов были войной отмечены сходу. Французы, союзники России, после боев на Марне, мобилизовали для производства патронов, гранат и снарядов частные предприятия. Россия решила сделать то же самое – и пригласила к себе в начале 1915 г. французских специалистов. В конце концов, группу по работе с французами и распространению их опыта и технологий на русские заводы возглавил уполномоченный Главного артиллерийского управления начальник Брянского арсенала генерал-майор С.Н.Ванков. Группа эта получила неофициальное название «Организация Ванкова». Среди почти 300 заводов, мобилизованных для производства боеприпасов, оказались и предприятия Брянского края: Мальцовские заводы и Брянский завод в Бежице [123, с.106] , где генерал Ванков в качестве начальника Брянского гарнизона встречал 20 апреля 1915 г. Государя Императора Николая Александровича [35, л.54; 86а] .

Помимо организации производства, генерал Ванков готовил для гражданских предприятий инженерные кадры, способные перевести заводы «на военные рельсы». Семен Николаевич отбирал в госпиталях раненных офицеров инженерной службы и отправлял их для переподготовки на опытный завод «Организации Ванкова». Здесь вели обучение офицеры Брянского арсенала. На самом же арсенале готовили прапорщиков – приемщиков снарядов и вольнонаемных браковщиков [123, с.104] .

Итогом работы «Организации Ванкова» к 1 января 1918 г. только в деле производства гранат французской конструкции стал выпуск 13 683 334 корпусов 76-миллиметровых гранат, 104 956 корпусов 122-мм и 488 487 – 152-мм гранат; 12 250 863 76-мм запальных стаканов, 730 294 - 152-мм запальных стаканов, 646 512 запальных стаканов УС; 3 512 260 снаряженных и 4 096 975 неснаряженных детонаторных трубок. Из этого числа заводами Мальцовского акционерного общества было выпущено к ноябрю 1916 г. 61 740 корпусов и 43 390 запальных стаканов для 76-мм гранат французского образца, 84 000 мин к минометам Дюмезиля и 20 419 корпусов 122-мм гаубичных бомб. Для сравнения с трудами Ванкова - вся прочая промышленность Российской Империи выпустила за время войны 28 млн. 76-мм гранат [123, 107] .

В «Организации Ванкова» с июня 1915 г. оказался и полковник Брянского арсенала Николай Григорьевич Высочанский, который получил должность помощника по технической части уполномоченного Главного артиллерийского управления по производству снарядов по французскому образцу, т.е. самого Ванкова [30, с.15] . Высочанскому пришлось переехать в Москву. Здесь 22 января 1916 г. Николай Григорьевич провел экскурсию по частному снарядному заводу Н.А.Второва на Хамовнической набережной для Великого Князя Михаила Александровича, брата Государя [46, с.223] . Великий Князь, имение которого Брасово («милое Брасово», как частенько писал Михаил Александрович в своем дневнике) находится на Брянской земле, так же может считаться нашим земляком в числе героев Великой войны. В Брасове, к слову, местные мастерские также к декабрю 1915 г. изготавливали по 200 бомб для бомбометов (пробораз современных минометов) в день.

С 23 августа 1914 г. Великий Князь Михаил Александрович командовал сформированной из добровольцев-горцев Кавказской туземной конной (она же легендарная «Дикая») дивизией, с 4 февраля 1916 г. — 2-м кавалерийским корпусом, с 19 января 1917 г. занимал должность генерал-инспектора кавалерии[51, с.413-414] . Высочайшим приказом от 5 марта 1915 г. Свиты Его Величества генерал-майору Великому Князю Михаилу Александровичу был пожалован орден св. Георгия 4-й степени: «За то, что командуя отрядом в период январских боев — за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и, будучи под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества, воодушевлял и ободрял войска своего отряда, при чём выдержал, с 14-го по 25-е января, натиск превосходных сил противника, прикрыв весьма важное направление на Ломна-Старое место, а затем, при переходе в наступление, активными действиями содействовал успешному его развитию» [90] . Высочайшим приказом от 27 июня 1915 г. Великий Князь Михаил Александрович был также награжден Георгиевским оружием[16, с.644] .

Но кроме военных подвигов, Михаил Александрович в годы Первой мировой войны немало занимался благотворительностью. В столичном петроградском особняке Великого Князя был устроен госпиталь для 25 офицеров и 100 нижних чинов, в загородном гатчинском доме Михаила Александровича - госпиталь на 30 нижних чинов. На средства Великого Князя был к 21 ноября 1914 г. сформирован санитарный поезд № 157. На 1 августа 1916 г. этот поезд совершил 84 рейса, во время которых покрыл расстояние в 57 119 верст, перевез 662 раненых офицера и 35 709 нижних чинов[82] . Конечно, обустройство и снабжение этих госпиталей легло, главным образом, на плечи супруги Михаила Александровича - Наталии Сергеевны Брасовой, получившей в 1915 г. графский титул.

В брянских владениях Михаила Александровича раненных лечили в лазарете для легкораненых и выздоравливающих нижних чинов на 100 коек, часть которых размещалась в конторе имения села Брасово, часть – в так называемом «доме архитектора», часть - в Локте, в помещении молельной при главной конторе имения, а также в локотской больнице. Еще один госпиталь был устроен в Дерюгинском имении Великого Князя. На закупку всего необходимого для брасовского лазарета: медицинского оборудования, лекарств, инвентаря было потрачено 42 465 рублей[48, с.167] . К слову, больница в Локте, где трудились врач и фельдшер, а также фельдшерские пункты в слободе Алтуховой и на хуторе Александринском и в мирное время содержались за счет Великого Князя. На Рождество, которое в конце 1915 г. Михаил Александрович встречал в Брасове, он навещал пациентов своих госпиталей. Когда в середине 1915 г. начался отток беженцев из западных губерний Российской Империи в Центральную Россию, Великий Князь Михаил Александрович открыл в Брасове приют для 60 осиротевших беженцев-детей[7, с.135, 143; 65, с.596, 598] .

Ну, а Николаю Григорьевичу Высочанскому пришлось в июне 1917 г. вернуться в Брянск и примерно на год возглавить Арсенал. Коммунисты убили Великого Князя Михаила Александровича в ночь с 11 на 12 июня 1918 г. [20] , а Н.Г.Высочанского – 21 октября 1929 г. [28]

Еще один город Брянского края стал в годы Первой мировой войны центром формирования и пополнения русских войск. Это, как нетрудно догадаться, Карачев, в котором оставалась от 36-й артиллерийской бригады серьезная материально-техническая база. По подсчетам карачевского краеведа Л.Д.Передельского в 1914-1917 гг. в городе в разное время находились: 12-й пехотный запасный полк (около 10 тыс. человек), 6, 7 и 8 отдельные батареи «А» действующей армии, 2-й отдельный позиционный дивизион тяжелых орудий системы

«Кан»), артиллерийский склад тяжелой артиллерии особого назначения действующей армии, 55-й сводный эвакуационный госпиталь, школа шоферов автомобильного транспорта, Могилевский базисный вещевого склад и при нем починочная подвижная армейская мастерская, 183-я пешая Смоленская дружина ополчения, отдельный Карачевский конный запас, 1-я рота 88-го рабочего батальона, 6-я рота 34-го рабочего батальона действующей армии, 704-й сводный госпиталь – и другие части[83, с.103, 133] .

К весне 1916 г. в Карачеве была сформирована 123-я пехотная дивизия в составе 489 Рыбинского, 490 Ржевского, 491 Варнавинского и 492 Барнаульского пехотный полков[54] . С 25 февраля 1916 г. дивизией командовал известный русский военачальник и один из создателей независимого Польского государства генерал-майор Иосиф (Юзеф) Романович Довбор-Мусницкий (1867-1937) [51, с.216-217] . «Орловские епархиальные ведомости» сообщали 13 марта 1916 г.: «6 марта, в воскресенье, Преосвященнейший Григорий (епископ Орловский и Севский – Ю.С.) совершил литургию в Карачевском соборном храме... За литургиею в соборе присутствовали, кроме многочисленных богомольцев, начальник дивизии генерал-майор И.Р.Довбор-Мусницкий и два бригадных генерала местной вновь формирующейся дивизии, городской голова Сытин и местный исправник П.С.Никаноров. По окончании литургии Владыка преподавал долгое время всем предстоящим Архипастырское благословение» [77, с.323-324] .

Сформированная в Карачеве 123-я пехотная дивизия была отправлена сражаться против турок на Кавказском фронте (Турция вступила в войну на стороне Германии 17 (30) октября 1914 г.). 13 июня 1916 г. 3-я турецкая армия перешла в решительное наступление на русских, направив главный удар по долине Лиман-Су в трапезондском направлении на Оф. Турки вклинились, было, между нашими V Кавказским и II Туркестанским корпусами, но русские остановили неприятеля сначала двухдневной стальной обороной, а потом ударом 123-й (карачевской) пехотной дивизии в левый фланг неприятеля и 3-й пластунской бригады в правый его фланг. В последовавших боях 8 – 21 июля 1916 г. у Дачанос 490-й пехотный Ржевский полк из состава 123-й дивизии (конкретно – прапорщик Евгений Иванович Егин) захватил знамя Ташкелакского пехотного турецкого полка[60, с.413, 373; 4, с.41; 17; 16, с.507] .

Патриотический подъем времен Первой мировой войны в полной мере коснулся жителей Брянского края. И проявлялось это не только в служении на поле брани, но и в самой широкой и разнообразной благотворительной деятельности.

Отличилось на этой ниве, например, духовенство Брянского края. Уже 17 августа 1914 г. «Орловские епархиальные ведомости» писали: «Монастыри Орловской епархии мужские и женские откликнулись на нужды военного времени устройством лазаретов при двух мужских и двух женских монастырях на 60 кроватей, с таким распределением: 5 кроватей при Введенском Орловском женском монастыре, 20 кроватей при Петропавловском Брянском женском монастыре, 20 кроватей при Белобережской мужской пустыни и 15 кроватей при Троицком Елецком мужском монастыре. На содержание этих лазаретов монастыри назначили ежемесячный взнос в размере 950 рублей. В случае же недостачи этих средств, монастыри обязались вносить (так!) добавочные ассигнования. Кроме этого братия Троицкого Елецкого монастыря, с настоятелем во главе, Преосвященнейшим Митрофаном, обязалась на усиление средств на лазареты вносить 2% с кружечных доходов, в Брянский Свенский Успенский монастырь отводит под военный госпиталь свой большой в г. Брянске дом, который прежде снимался под офицерское собрание. Служащие в Орловской духовной консистории

постановили отчислять 2% ежемесячно из получаемого ими жалования на усиление средств по содержанию лазаретов при монастырях» [78, с.839] .

Действительно, уже к 14 августа 1914 г. Брянский Свенский Успенский монастырь отвел в своих стенах место для лазарета на 30 воинов, а в «доме Успенского Свенского монастыря» (на месте этого дома по современной брянской улице Калинина в 1960-х был выстроен корпус фабрики РТИ, ныне заброшенный) для раненых и больных солдат оборудовали доста кроватей. И как раз к 14 августа в монастырскую больницу прибыли первые боевые пациенты: «Больные и раненые в ноги донцы-казаки и пехотинцы в руки – 22 человека» [76, с.877] . К 20 декабря 1914 г. на территории Брянского Петропавловского монастыря действовало уже два лазарета: тот самый, что упоминался выше, на 20 коек - он содержался за счет обители, и лазарет Красного Креста на 26 коек [86, с.24] . Если у благотворителей не было средств на лазарет – они брали на свое содержание лазаретную койку. Когда, например, в 1-м Орловском духовном училище был организован «Лазарет духовенства», учителя Фошнянской и Ивотской второклассной и образцовой школ содержали там за свой счет койку, выделяя на нее ежемесячно по 25 рублей [43, с.135] .

От духовных лиц не отставали и миряне. В Брянске к февралю 1915 г. действовали 24 общественных лазарета на 2103 места, в Брянском уезде работали лазареты Радицкого вагоностроительного завода, лесничих Орловской губернии, жителей поселка Людинка, частные лазареты брянского уездного предводителя дворянства князя Вячеслава Вячеславовича Тенишева, крестьянина Морозова и т.д. [7, с.132, 134] В прежнем имении поэта графа Алексея Константиновича Толстого также открылся лазарет. Владелец же имения, Георгий Михайлович Буда-Жемчужников, сражался с германцами в рядах Лейб-гвардии Конного полка [53, с.34; 106] . Когда 20 апреля 1915 г. промышленное местечко Бежицу Брянского уезда посетил Император Николай II, то ему показали в прекрасно оборудованной больнице расположенного в Бежице Брянского механического, железоделательного и рельсопрокатного завода отделение, где лечились раненые в боях русские солдаты и офицеры. А чуть позже Государь осмотрел еще и заводской госпиталь на 1000 коек, устроенный для раненных воинов всероссийским земским союзом [50, с.162] .

Супруга орловского губернатора В.Н.Андреевская 23 июля 1914 г. организовала Дамский комитет, который уже к 1 ноября собрал более 21 тыс. руб. пожертвований в пользу больных и раненых, а также в пользу семей, кормилицы которых были призваны в армию, организовал пошив белья для орловских госпиталей и т.п. По образцу губернского города в уездном Брянске появился Дамский кружок, который к октябрю 1914 г. открыл в городе два госпиталя [7, с.141, 143] . Подобная активность тронула до глубины души Вдовствующую Императрицу Марию Феодоровну, приславшую тогда в Брянск телеграмму следующего содержания: «Сердечно обрадована открытием второго лазарета Дамского кружка. Искренне благодарю всех жертвователей и трудящихся за усердие в святом деле помощи нашим раненым и больным воинам» [7, с.163-164] .

Социальный состав Дамских кружков был широк. Очень много работали в них, например, учительницы церковно-приходских и начальных школ. Учительницы организовывали среди брянских жителей сбор денег и вещей. В пользу раненых Дамский кружок брянской Привокзальной слободы устроил в октябре 1914 г. лотерею. В мае 1915 г. такую же двухдневную лотерею организовал Севский (Севск теперь райцентр Брянской области) Дамский комитет [7, с.143] . Учительницы двухклассной школы Полесских железных дорог (теперешний Брянск-Г), состоявшие членами Дамского кружка, отчисляли в месяц на раненых где-то по рублю, а также процент в Благотворительный комитет при управлении Полесских железных дорог [43, с.136] .

В ту пору вообще широко практиковались отчисления от денежного жалования «на дело помощи раненым». Отчисления зависели от размера этого жалования. Если годовой доход не превышал 600 руб., отчислялось 2 %, 1800 руб. - 3 %, свыше 1800 - 4%. Подобные отчисления делали служащие Брянской уездной земской управы, персонал Карачевских мужской и женской гимназий все военные годы ежемесячно направлял 3 % от своей заработной платы на нужды общества Красного Креста и семей призванных. Рабочие Брянского завода в Бежице с начала войны отчисляли 2 % с каждого заработанного рубля в помощь семьям призванных, а также больным и раненым воинам [7, с.141, 200]. Общество потребителей при том же Брянском заводе постановило ежемесячно до окончания войны отпускать по 15 руб. на приобретение чулок для раненых. Когда 20 апреля 1915 г. на Брянский завод в Бежицу прибыл Император Николай II, ему передали на деревянных блюдах пожертвования в пользу раненых воинов: 5 тыс. рублей от Брянского уездного земства и 2 тыс. – от самого города Брянска [50, с.157].

«Орловские епархиальные ведомости» опубликовали 1 февраля 1915 г. отчет о благотворительной деятельности церковно-приходских школ Брянского уезда, составленный «уездным наблюдателем» священником М.Говоровым. Из отчета мы узнаем множество интересных вещей. Скажем, на станции Брянск Риго-Орловской железной дороги (также теперешний Брянск-I) регулярно останавливались санитарные поезда. Так вот, учителя церковно-приходских школ Привокзальной слободы «на своих руках выносили тяжелораненых воинов на перевязочный пункт и помогали врачам при перевязках. Кроме того, приносили разного рода питательные продукты и в поездах раздавали их раненым страдальцам, которые не могли выходить из вагонов для получения пищи и нередко поэтому были голодны» [43, с.134].

Если же вблизи школы находился лазарет, то учительницы в свободное от занятий время несли там дежурства, помогали врачам, а одна так просто уволилась из школы и стала сестрой милосердия. Вообще же к 14 сентября 1914 г. на шестинедельных курсах в Брянске было подготовлено 100 сестер милосердия [7, с.136].

Продолжались и всякого рода пожертвования. Учителя Сергиево-Радицкой школы одновременно пожертвовали 16 руб. 63 коп. и постановили ежемесячно собирать по 4 руб. 50 коп. Учительница школы Брянского Петропавловского монастыря ежемесячно жертвовала из своего жалования по 50 копеек на содержание именной койки в Орловском «лазарете духовенства», учительница школы при Горне-Николаевской церкви ежемесячно на то же самое жертвовала 4% от жалования. Свой процент жертвовали учителя Николаевской двухклассной и Николаевской мужской школ при станции Брянск.

Служивший в брянских Успенском и Рождество-Богородицком приходах священник, заведующий приходскими школами, был духовником трех брянских лазаретов, еженедельно раздавал раненым листки и брошюры религиозно-нравственного содержания, состоял действительным членом Общества Красного Креста, ежемесячно жертвовал на епархиальный госпиталь по полтора рубля, а учительницы этих приходов посещали раненых, снабжали их молоком, хлебом, фруктами, табаком, собирали для солдат деньги и вещи. Молочные артели Брянского уезда передавали сливочное масло, хлеб и полотенца Людинковскому кружку по оказанию помощи больным и раненым [7, с.143].

Что же касается учеников церковных школ, то, по словам священника Говорова, они с «охотой и усердием несли... холст, полотно, шерсть, нитки, иглы, ложки, табак, мыло, чай и сахар» в подарок русским воинам. Для солдат школьники прямо в школах шили белье и вязали теплые вещи, а потом собирали «пакеты с рождественскими подарками для армии». В Фошне ученики собрали для воинов 92 аршина холста, 31 полотенце, 8 рубашек, 6 кальсон, 3 пары чулок, 2 пары портянок, 2 мотка ниток, 2 наволочки. Ученицы Николаевской двух-

классной школы при Полесских железных дорогах ежедневно изготавливали по 50 бинтов для местного перевязочного пункта и сшили за полгода более 200 пар белья для армии[43, с.134-138] ... В декабре 1914 г. 50 учеников Севского духовного училища, живших при училище, отказались в пользу раненых от булок к вечернему чаю[7, с.143] . А вот в Брянской мужской частной гимназии в 1915-1917 гг. организовывали «трудовые дружины учащихся для оказания помощи семьям запасных солдат Брянского уезда» [36] - своеобразные предшественницы «тимуровских команд» советского времени.

Учителя сельско-деревенских одноклассных школ также жертвовали на нужды армии: Голубеевская школа к началу 1915 г. – 17 пар нижнего белья, 28 теплых рубашек, 10 пар шерстяных чулок, 20 полотенец, 10 фунтов (около 4 кг) сахару, 2 фунта (около 800 г.) чаю, 2 фунта конфет и 50 кисетов с табаком, бумагой и спичками; в Рябчичевской школе отцами законоучителями и учителями собрано 11 рублей, а учениками – 34 пакета с подарками; Супоневская школа пожертвовала 20 пар теплых чулок; учительницы из Стари ежемесячно стали отчислять из своего жалования по 2 р. 50 к. на содержание в лазарете именных коек, а ученицы собрали 11 р. 65 к., шили белье, кисеты, вязали чулки; в Хотылевской школе приготовили 12 пар белья, 8 пар носков, 13 пар портянок, 5 носовых платков, 2 полотенца и около двух рублей для покупки махорки... Ну, а крестьяне Елисеевичской волости Брянского уезда собрали в пользу раненых 500 руб. и 2 тыс. аршин холста[43, с.134-138] . Как видим, главными благотворителями на Брянской земле в годы Первой мировой войны были наши простые люди.

Между тем, деньги на благотворительность в ту пору привыкли не столько просить, сколько зарабатывать. Скажем, в октябре 1914 г. крестьяне д. Столбы Княвичской волости Брянского уезда устроили благотворительный спектакль, сборы от которого составили около 35 руб. В марте 1915 г. этому примеру последовало Брасовское общество помощи пострадавшим от войны, чей спектакль собрал 210 руб. на нужды местного лазарета[7, с.143] . Наконец, 2 марта 1916 г. в «Художественном театре» Брянска (так стали тогда называть летний театр сада общества трезвости, на месте которого теперь располагается центральная станция скорой помощи) по личной инициативе полковника А.И. Кальнинга был устроен в пользу инвалидов Русской Армии «грандиозный благотворительный концерт». «Прекрасные декорации, как нельзя, кстати, отражали патриотическую направленность концерта», - писала в те дни брянская пресса. По словам современного историка И.Б.Беловой: «Сцену украшали флаги и гербы союзных держав, посередине возвышался «исполинский Георгиевский крест на орденской ленте», опоясывающей всю сцену, много зелени. В программу концерта вошло исполнение русского гимна («Боже, Царя храни!»), троекратно повторенного по требованию публики, и восьми гимнов союзных держав. Пение хора (200 чел.) сопровождалось игрой объединенного оркестра войск местного гарнизона. Полковник А.А. Грешнер прочел собственное стихотворение, посвященное памяти погибших» [7, с.162-163] ...

В канун Рождества (25 декабря старого стиля 1914 г.) ученики 1-го класса Бежицкой при Брянском заводе мужской гимназии собрали подарки для воинов действующей армии. Кроме подарков малыши-гимназисты вложили в посылки на фронт свои поздравительные письма с просьбой к солдатам ответить на поздравление. Детские письма глубоко растрогали русских бойцов – настолько, что несколько ответных солдатских писем напечатали душевно впечатленные ими издатели «Орловских епархиальных ведомостей». Вот строки из письма бежицкому гимназисту от унтер-офицера (сержанта) Д.И.Агешина: «Многоуважаемый Николай! Мы Ваши подарки получили и остаемся очень Вам благодарны за них. Получили мы все, что Вы послали. Когда Ваши подарки принесли в роту, то мы все чуть не заплакали от сознания, что наши отцы, матери и братья не забывают нас. Дорогие наши братья! Мы видим

Ваши жертвы и сознаем, что Вы за нас болите, а мы здесь на войне трудимся, проливаем кровь за Царя и отечество, за свою родную сторону, чтобы враг наш не посмеялся русскому солдату, чтобы знал, что значит русский солдат. Русский солдат есть воин, защитник родины, не боится ни огня, ни пули, ни меча: дерется за свою родину и Царя храбро и дружно» [85, с.357-358] ...

* * *

Немало героев Первой мировой войны дала Брянская земля. Немало могил тех героев, похороненных частным образом, находится на городских и сельских кладбищах нашего края. Известно, кроме того, что умиравших от ран в госпиталях Брянска и Бежицы воинов или умиравших в пути, в санитарных поездах, хоронили на Воинском гарнизонном брянском кладбище (у современного автовокзала) [102], кладбище на Почтовой улице и кладбище Привокзальной слободы (вместо него построили в 1950-х дом культуры). Кроме того, в 1914 г. черниговские губернские власти отвели участки для мемориальных кладбищ героев Второй Отечественной войны в городе Стародубе и посаде Клиницы, ныне райцентрах Брянской области [59, с.22]. Какова судьба этих некрополей?

Но какой бы эта судьба не была – вечная память и вечная слава воинам, которые честно, не нарушив присяги, сражались в 1914-1917 гг. за Веру, Царя и Отечество!

Библиографический список

- 32, 33, 34-й Отдельные полевые Тяжелые артиллерийские дивизионы // <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p38>;
<http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p39>;
<http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istTgoad.htm#p40>
- Абызов Ю.И., Исмагулова Т.Д. Пильский Петр Моисеевич // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 4. М., 1999. С.600-604.
- Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914-1918 годов. Биографический справочник / Сост. М.С.Нешкин, В.М.Шабанов. М., 2006.
- Андоленко С.И. Неприятельские знамена, взятые Русской Армией в войну 1914 – 1917 гг. // Военная быль. (Париж.) 1966. №77. С.38-41.
- Андоленко С.П. Судьба знамен армии генерала Самсонова // Военная быль. (Париж.) 1965. №72. С.41-44.
- Бабирев Иван Васильевич // <http://www.regiment.ru/bio/B/395.jpg>
- Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 - февраль 1917 г. М., 2011.
- Белолипецкий В. Е. Зимние действия пехотного полка в Августовских лесах. 1915 год. М., 1940.
- Беннигсен Г. 1-й пехотный Невский полк в Восточной Пруссии в 1914 году (продолжение) // Военная быль. (Париж.) 1959. №37. С.8-10.
- Бобков В.А., Поляков Г.П. Брянский Арсенал (1783-2008 гг.). Исторические очерки. Брянск, 2008.
- Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера генерального штаба Армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964.
- Брянску – 1000 лет. Тула, 1986.
- Брянский арсенал // Военная энциклопедия в 18 томах, изданная И.Д.Сытиным. СПб., 1911-1915. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; ООО «Бизнессофт», 2007.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
- Вацетис И.И. Операции на восточной границе Германии в 1914 г. Ч.1. Восточно-Прусская операция. М.-Л., 1929.
- Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба, Ю.И.Кораблева, М.И.Кузнецова, Ю.Ю.Фигатнера / 3-е изд., доп. М., 1987.
- Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769-1920. Биобиблиографический справочник / Отв.сост. В.М.Шабанов. Федеральное архивное агентство. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). М., 2004.

17. Волков А. Письмо в редакцию // Военная быль. (Париж.) 1967. №84. С.47.
18. Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2003.
19. Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб. – М., 2003.
20. Воспоминания участников [убийства Великого Князя Михаила Александровича] // <http://ldn-knigi.lib.ru>
21. Восточно-Прусская операция. Сборник документов Мировой империалистической войны на Русском фронте (1914 – 1917 гг.). М., 1939.
22. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1914. №1231. 3 июня.
23. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1914. №1235. 1 июля.
24. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1281. 26 мая.
25. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1290. 28 июля.
26. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1291. 4 августа.
27. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Разведчик. 1915. №1295. 1 сентября.
28. Высочанский Николай Григорьевич // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
29. Высочанский Николай Григорьевич // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71>
30. Высочанский С. Наша семья. Её прошлое // Мир Паустовского. 2000. №15-16. С.14-22.
31. Государственный архив Брянской области (ГАБО). ОДФ. Ф.48. Оп.1. Д.2.
32. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.204.
33. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.225.
34. ГАБО. ОДФ. Ф.334. Оп.1. Д.226.
35. ГАБО. ОДФ. Ф. 334. Оп.1. Д.227.
36. ГАБО. ОДФ. Ф.509. Оп.1. Д.53.
37. ГАБО. ОДФ. Ф.509. Оп.1. Д.70.
38. ГАБО. Ф. Р-436. Оп.1. Д.9.
39. ГАБО. Ф. Р-483. Оп.1. Д.46.
40. ГАБО. Ф.Р-483. Оп.1. Д.74.
41. ГАБО. Ф.Р-2213. Оп.8. Д.131.
42. [Главатских М.Л.] «Пишу свою биографию...» // Инфо-Панорама. (Ижевск.) 2006. №0467. 18января // <http://www.inforanorama.ru/index.php?issue=256&article=1223>
43. Говоров М., священник. Церковные школы Брянского уезда в текущую войну // Орловские епархиальные ведомости. 1915. №5. 1 февраля. Отдел неофициальный. С.134-138.
44. Денисенко В.С. Солдаты пятой // Октябрь на фронте. Воспоминания. М., 1967. С.87-102.
45. Деханов В.Г. Страницы из жизни старого Брянска / Издание 2-е, исправленное и дополненное. Брянск, 2016.
46. Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича: 1915 – 1918 / Отв. ред. и сост. В.М.Хрусталева. М., 2012.
47. Дроздов К. Знамя окруженного полка. Куда ведут следы архивной находки // Родина. 2014. №8. С.38-41.
48. Дьякова А. В. Великий князь Михаил Александрович. Жизнь и любовь. Орел, 2010.
49. Евгенийев. Накипь грязных дел. Крупные безобразия в правлении трудколлективов // Брянский рабочий. 1929. №271. 21 ноября. С.4.
50. Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. [Вып.3.] Январь-июнь 1915 г. / Сост. Д.Н.Дубенский. [Пг., 1915.]
51. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. М., 2003.
52. Зальф Артур Августович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта // <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?letter=%C7&PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71>

53. Захарова В.Д. Краснорогская усадьба Алексея Константиновича Толстого. Брянск, 2005.
54. Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация. Формирования 1914-1917 гг. Регалии и отличия // www.grwar.ru
55. Знамена и штандарты полков, батальонов Российской армии. Пехотные полки №291-310 и далее // <http://www.vexillographia.ru/russia/index.htm>
56. История «дворян» и «константиновцев». 1807 – 1907. Б.м., б.г.[СПб., 1907.] Алфавитный список.
57. Каменский М. П. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 года. Пг., 1921.
58. Картагузов С.В. Уральская казачья артиллерия в годы Первой Мировой Войны - http://www.yaik.ru/rus/forces/history/index.php?SECTION_ID=2195&ELEMENT_ID=2195&spphrase_id=370
59. Катагощина М. Памятники Великой войны (Окончание) // Военная быль. (Москва.)1993. №4 (133). С.21-23.
60. Керсновский А.А. История Русской Армии: 1881-1916. Смоленск, 2004.
61. Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. №2 (8). С.34-40.
62. Колпакиди А., Север А. КГБ. Энциклопедия спецслужб. М., 2010.
63. Конопчанский Петр Михайлович // Русская армия в Великой войне: Картотека проекта <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?PHPSESSID=1444a73b4ddc4288666f659fc1961c71> со ссылкой на: www.pokayanie-komi.ru/content/133/spiski_tom7_part2.doc
64. Краткий исторический очерк Орловского-Бахтина кадетского корпуса с приложением списка бывших воспитанников этого корпуса, окончивших курс за время первого пятидесятилетия со дня его открытия. (1843-1893 гг.). Орел, 1893.
65. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест / Изд. 2-е, дополненное и уточненное. Т.1. Брянск, 2013.
66. Лазарев С.А. Герои Великой войны. Известные и неизвестные. СПб., 2007.
67. Летопись войны 1914-15-1916 гг. 1916. №74. 16 января.
68. Марков О.Д. Русская армия 1914-1917 гг. СПб., 2001.
69. Муратов П. От Холма к Ярославлю // Возрождение. (Париж.) 1929. №1561. 10 сентября.
70. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1999 в шести томах / Составитель В.Н.Чуваков. Т.5. М., 2004.
- 70а. Незабываемые могилы. Генерал М.Н.Ползиков // Часовой. (Бюссель.) 1938. №221. С.23-24.
71. Новое время. Иллюстрированное приложение. 1915. №14205. 26 сентября (9 октября).
72. Новое время. Иллюстрированное приложение. 1916. №14595. 22 октября (4 ноября).
73. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909.
74. Odkrywca. Wszystko o skarbach I przygodzie. 2005. №1 (72) // Судьба потерянного штандарта 144 Каширского пехотного полка / Перевод с польского // Великая война 1914-1917. Форум истории и реконструкции // <http://1914/fastbb.ru/>
75. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957.
76. Орловские епархиальные ведомости. 1914. №34. 24 августа. Отдел неофициальный.
77. Орловские епархиальные ведомости. 1916. №11. 13 марта. Отдел неофициальный.
78. Отклики войны // Орловские епархиальные ведомости. 1914. №33. 17 августа. Отдел неофициальный. С.838-840.
79. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1913 год. Орел, 1912. Отдел II.
80. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1914 год. Орел, 1913. Отдел II.
81. Памятная книжка Смоленской губернии на 1914 год. Смоленск, 1913.
82. Первая мировая. Во главе «Дикой дивизии». Записки Великого князя Михаила Романова // http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1033009/Hrustalev_-_Pervaya_mirovaya.html#n477. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.
83. Передельский Л.Д. Карачев. Историко-краеведческий очерк. Брянск, 1995.
84. Письма в редакцию // Военная быль. (Париж.) 1965. №74. С.47.

85. Письма из действующей армии ученикам Бежицкой при Брянском заводе мужской гимназии // Орловские епархиальные ведомости. 1915. №14. 5 апреля. Отдел неофициальный. С.355-358.
86. Праздников В., Черняков Д. «Город-госпиталь»: функционирование медицинских учреждений г. Брянска в годы Первой мировой войны // Брянский край в годы Первой мировой войны. Материалы научно-практической конференции. Брянск, 2014. С.23-27.
- 86а. Пребывание Государя в Бежице // Орловские ведомости. 1915. №28. 22 апреля. С.2.
87. Приветствие дроздовцам генерала Ползиковца // Галлиполийский вестник. (София.) 1938. №57. 10 марта. С.45-46.
88. Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть советов. Воронеж, 1978.
89. Разведчик. 1903. №669. 19 августа.
90. Разведчик. 1915. №1275. 14 апреля. С.1.
91. Разумов В.П. Дерево моей жизни (хроники двадцатого века). 2. Гимназия. Брянск, 1982 // Семейный архив Разумовых-Высоцких.
92. Росси Ж. Справочник по ГУЛагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Пер. с франц. London, 1987.
93. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.400. Оп.12. Д.26759.
94. РГВИА. Ф.2048. Оп.2. Д.111.
95. РГВИА. Ф.2757. Оп.1-2. Опись фонда 143 пехотного Дорогобужского полка. 1871 – 1917 гг.
96. РГВИА. Ф.2758. Оп.1-2. Опись фонда 144 пехотного Каширского полка. 1885 – 1917 гг.
97. РГВИА. Ф.2900. Оп. I-III. 291-й пехотный Трубчевский полк. (Яковлев В. Предисловие).
98. РГВИА. Ф.2900. Оп.2. Д.63.
99. РГВИА. Ф.2900. Оп.2. Д.285.
100. РГВИА. Ф.3712. Оп.1. Д.14.
101. РГВИА. Ф. 15947. 187-й пехотный запасный полк. 1915-1916 гг.
102. Соловьев Ю.П. Брянское братское военное гарнизонное кладбище // IV-е Тихановские чтения. Материалы краеведческой научно-практической конференции 22 ноября 2011 г. / Брян. обл. науч. универс. б-ка им. Ф.И.Тютчева. Брянск, 2015. С.75-90.
103. Соловьев Ю.П. Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова // Муратов П.П. Ночные мысли. Эссе, очерки, статьи 1923 – 1934 / Сост. Ю.П.Соловьев. М., 2000. С.4-46.
104. Соловьев Ю.П. Память об Отечественной войне 1812 года в Брянском крае // Проблемы сохранения культурного наследия: материалы II международного семинара (29 ноября 2012 года) / Филиал НОУ ВПО «МПСУ» в г. Брянске. Брянск, 2013. С.121-149.
105. Соловьев Ю.П. Религиозная жизнь Брянского гарнизона на рубеже XIX—XX вв. // Вопросы истории. 2012. №6. С.105-117.
106. Соловьев Ю.П. Судьба наследников Красного Рога в Гражданскую войну и после нее // А.К.Толстой и русская культура. Материалы межгосударственной научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения поэта. Брянск, 2008. С.149-159.
107. Солодков Н. Германцы и Русская Императорская Армия // Часовой. (Париж.) 1938. №206. 15 февраля. С.17-18.
108. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Пг., 1914.
109. Список генералам по старшинству. Составлен по 10-е июля 1916 г. СПб., 1916.
110. Список захоронений воинов Российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1.8.1914-3.3.1918) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1.9.1917 Российской республики) /Страница создана Русским Обществом в Латвии (РовЛ) // russkie.org.lv
111. Список капитанам армейской пехоты по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1913 г. СПб., 1914.
112. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е марта 1914 г. СПб., 1914.
113. Список полковникам по старшинству. Исправлен по 1-е августа 1916 г. Пг., 1916.

114. Стенкор. Бывшие лезут в настоящие. «Шагом марш!» // Брянский рабочий. 1929. №24. 30 января. С.2.
115. Трескин Л. Московское выступление большевиков в 1917 году // Сопротивление большевизму. 1917 – 1918 гг. / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии С.В.Волкова. М., 2001. С.182-190.
116. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Живые рассказы и материалы обработал И.Лукаш. Белград, 1937.
117. Федосеев С. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009.
118. Флуг В. Из воспоминаний о первой Великой войне // Военная быль. (Париж.) 1957. №26. С.20-21.
119. Фон Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960.
120. Фукс В. Краткий очерк операции Наревской армии ген. Самсонова в Восточной Пруссии в августе 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителее военных знаний. Кн.IV. Белград, 1923. С.120-153.
121. Харжевский [В.Г.] Генерал-майор Михаил Николаевич Ползиков // Галлиполийский вестник. 1938. №61. 1 июля. С.28-30.
122. Хольмсен [И.А.] Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935.
123. Черняк А. Я. Семен Николаевич Ванков, 1858—1937. М., 1984.
124. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 / 2-е изд. М., 1974.

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, доцент Московского психолого-социального университета, филиал в г. Брянске, ur.solovjev@yandex.ru